

Дискуссии и обсуждения

О ПРИЧИНАХ НЕРАЗВИТОСТИ РАБСТВА НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ

Г. В. Коранашвили

Идущая в последние годы в советской и зарубежной марксистской науке дискуссия по вопросу о характере перехода от доклассового общества к классовому вызвала особый интерес к обществам Древнего Востока. И это вполне закономерно: теория, трактующая их как рабовладельческие, была малоубедительна¹, поскольку представляла результат механического перенесения процессов, имевших место в античном обществе, на общества древневосточные. Мы не будем останавливаться на перечислении достоинств и недостатков выступлений участников этой дискуссии. Ограничимся лишь констатацией того, что, вне всякого сомнения, она признак возросшего уровня марксистской исторической науки, а не просто возвращение к спору конца 20-х—начала 30-х годов. Среди ее участников нет единства во взглядах на характер древневосточного общества, но совершенно естественно, что для выработки теории, адекватно отражающей исторический процесс, протекавший в древних обществах, и в частности на Древнем Востоке, потребуется еще значительное время и множество конкретно-исторических исследований. Нельзя, однако, не отметить, что расхождения во взглядах участников дискуссии в немалой степени были вызваны тем обстоятельством, что подавляющее большинство их, ведя спор о формационной принадлежности древневосточных обществ, ограничивались утверждением о наличии или отсутствии развитого рабства в странах Древнего Востока. Они при этом опускали из виду, рассуждая о формационной принадлежности общества, нельзя обходиться анализом только экономических отношений, тем более одних лишь форм эксплуатации, не принимая во внимание всей совокупности общественных явлений, составляющих данную общественно-экономическую формацию. Из участников дискуссии на это обратили внимание лишь В. Н. Никифоров и И. М. Дьяконов, разделяющие взгляд об идентичности формационного характера древневосточных и античных обществ².

¹ См. об этом Ю. И. Семенов. Проблема социально-экономического строя Древнего Востока. «Народы Азии и Африки» (далее — «НАА»), 1965, № 4; Г. А. Меликшишли. К вопросу о характере древнейших классовых обществ. «Вопросы истории», 1966, № 11; его же. Вопрос о социально-экономическом строе древней Грузии. «Мацне» («Вестник» Отделения общественных наук АН Грузии), 1966, № 1 (на груз. яз.).

² См. доклад В. Н. Никифорова в сборнике «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока». М. 1966, стр. 30; его же. Логика дискуссии и логика в дискуссии. «Вопросы истории», 1968, № 2, стр. 121; И. М. Дьяконов. Проблемы собственности. О структуре обществ Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. «Вестник древней истории» (далее — «ВДИ»), 1967, № 4; его же. Проблемы экономики. О структуре обществ Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. «ВДИ», 1968, № 3, 4.

В нашей статье мы хотим остановиться на одном лишь вопросе — о том, почему на Древнем Востоке рабство, возникнув в зачаточном состоянии в форме уклада, не получило «классического» развития, почему здесь процесс движения этого социального института не привел к созданию рабовладельческой формации. Касаясь этого вопроса, некоторые исследователи констатировали самый факт, попытки же его объяснения, которые делались и раньше, не кажутся нам достаточно успешными. Приведем несколько примеров таких попыток. Н. М. Никольский причиной слабого развития рабства на Древнем Востоке считал тормозящее влияние общинных отношений. Отчасти такого же мнения придерживается и В. И. Авдиев, который объясняет это явление также преобладанием примитивных форм рабства. Согласно точке зрения И. М. Дьяконова, рабство на Древнем Востоке не получило дальнейшего развития потому, что там отсутствовали необходимые средства насилия для массового применения рабского труда, а организационные возможности для создания больших хозяйств латифунциально-рабовладельческого типа были недостаточны. Наконец, Ю. И. Семенов развитое рабство связывает с периодом раннего железа, в период же бронзы, когда формировались древневосточные общества, рабство, по его мнению, не могло развиваться в «классические» формы³. Думается, приведенные объяснения недостаточно убедительны. Но мы не будем сейчас анализировать их; недостаточность этих аргументов, как мы полагаем, покажется читателю ясной в результате рассмотрения проблемы в данной статье.

Чтобы ответить на вопрос, почему древневосточные общества нельзя считать рабовладельческими, и выяснить, в чем причины того, что рабовладение там не получило классического развития, кратко покажем, как протекали процессы возникновения и формирования рабства в Древней Греции и Риме. Это во многом поможет уяснить то обстоятельство, почему рабство, возникнув на Древнем Востоке как социально-экономический уклад, не получило там «классической» формы; высшее по уровню своего развития античное общество станет для нас ключом к пониманию низшего — древневосточного — общества. Осмысление развития института рабства как основного структурообразующего элемента производственных отношений в античном мире является для нас средством уразумения причин, почему этот социальный институт не получил такого развития на Древнем Востоке, выяснения не количественных, а качественных различий между античным и древневосточным обществами.

У греков возникновение рабства в его зародышевой форме было связано с переходом к скотоводству, с развитием которого у непосредственных производителей появились излишки продуктов, позволившие им содержать рабов. По-видимому, это имело место еще в IV тыс. до н. э. Но вплоть до I тыс. до н. э., даже с появлением примитивного земледелия, рабство у греков оставалось незначительным социальным явлением⁴. Причина же ограниченного применения рабского труда со-

³ Н. М. Никольский. Рабство в Древнем Двуречье. «ВДИ», 1941, № 1, стр. 63; В. И. Авдиев. Сельская община и искусственное орошение в Древнем Египте. «Историк-марксист», 1934, № 6, стр. 70; его же. История Древнего Востока. М. 1953, стр. 10, 421, 656; И. М. Дьяконов. К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту. «ВДИ», 1952, № 1, стр. 93; его же. Община на Древнем Востоке в работах советских исследователей. «ВДИ», 1963, № 1, стр. 16; его же. Проблемы экономики. О структуре обществ Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. «ВДИ», 1968, № 3, стр. 25; Ю. И. Семенов. Проблема социально-экономического строя Древнего Востока, стр. 89; его же. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки. «Вопросы истории», 1966, № 8, стр. 102—103.

⁴ О рабстве и других формах зависимости в Греции этого периода см.: Я. А. Ленцман. Рабство в Микенской и Гомеровской Греции. М. 1963; Т. В. Блаватская. Ахейская Греция. М. 1966. Авторы дают развернутую характеристику исторической среды греческого общества этого периода.

стояла в том, что для скотоводства лесной Балканский полуостров был недостаточно пригоден. Отсутствие железных орудий труда у греков вплоть до I тыс. до н. э. обуславливало примитивность их земледелия, препятствовало отделению ремесла от сельского хозяйства и сколько-нибудь значительному развитию товарного производства. Семья вполне обходилась своей рабочей силой. Для содержания чужой рабочей силы она не имела средств, да и сама эта сила при данном уровне и объеме производства была излишней. Рабы имелись только в семьях родовой аристократии, составлявшей незначительную часть общества, и использовались там в основном в качестве слуг. Более широкое применение рабского труда в Греции началось в XI—X вв. до н. э. Оно было связано с распространением железных орудий, благодаря которым были достигнуты значительные успехи в развитии производительных сил страны. Хлебопашество и другие отрасли земледелия стали основной отраслью хозяйства, оттеснив на задний план скотоводство. Железные орудия труда, использование быков в качестве тягловой силы — все это давало возможность расширения пахотных земель, лугов и пастбищ, поднимало производительность труда семьи, улучшало обеспечение ее продуктами питания, что, в свою очередь, способствовало росту народонаселения. Различные отрасли сельского хозяйства: хлебопашество, животноводство, виноградарство, садоводство, разнообразные ремесла — уже не вмещались в рамки хозяйственной деятельности семьи. Произошло отделение ремесла от сельского хозяйства, а затем вследствие отделения районов производства от районов потребления выделилась и торговля. Все это, вместе взятое, привело к появлению городов как центров ремесленной и торговой деятельности.

Итак, появление рабства у греков было вызвано ростом производительности труда, что, со своей стороны, было связано со скотоводством, а затем с плужным земледелием на основе железных орудий труда, то есть с заметным развитием производительных сил и разложением общины. Не насилие само по себе вело к рабству, а определенный уровень развития производительных сил вызывал необходимость в применении рабов как дополнительного трудового резерва, приобретение и использование которого без насилия оказались невозможными⁵. Но даже на достигнутом уровне производительных сил рабовладельческие производственные отношения оставались второстепенными в системе общественных отношений, взятой в целом. Основу производства, как и прежде, составляли свободные производители, что не раз подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс. Так, К. Маркс писал: «Они (мелкое крестьянское хозяйство и независимое ремесленное производство.— Г. К.) образуют экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования, после того как первоначальная восточная общая собственность уже разложилась, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени»⁶. Хронологически для развитых полисов Греции этот период длился до VI—V вв., а для западной и южной частей материковой Греции — до IV—III вв. до н. э. Для сложения рабовладельческих отношений в «классической» форме требовалось дальнейшее развитие производительных

⁵ Часто полагают, что в условиях повышения производительности труда рабочая сила раба давала больше, чем требовалось для ее содержания. А этот уровень производительности труда считают настолько низким, что он не давал возможности получения прибавочного продукта без применения рабской силы (см. Ю. В. Качановский. О понятиях «рабство» и «феодализм». «Вопросы истории», 1967, № 6). На самом деле рабство появилось при относительно высоком развитии производительности труда, когда потенциальный рабовладелец производил больше, чем было необходимо для содержания его самого и членов его семьи (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 164—166; т. 21, стр. 162, 163, 175).

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 346.

сил. Лишь появление интенсивного сельского хозяйства, крупного ремесленного производства, горнорудного дела, мореходства, строительного дела и т. д., связанных с возникновением новых форм собственности — крупных мастерских, рудников, верфей, распространением сравнительно крупных имений, привело к превращению рабовладельческого уклада в античный рабовладельческий способ производства. Ф. Энгельс писал по этому поводу: «...прежде чем рабство становится возможным, должна быть уже достигнута известная ступень в развитии производства и известная ступень неравенства в распределении. А для того чтобы рабский труд стал господствующим способом производства целого общества, требуется еще гораздо более значительное повышение уровня производства, торговли и накопления богатств». Большое число рабов в Коринфе и Эгине Ф. Энгельс объяснял высоким развитием художественного и ремесленного производства, а также обширной торговлей⁷.

Эту связь «классического» рабства с высоким (по масштабам того времени) уровнем производительных сил надо обязательно иметь в виду, чтобы выяснить механизм действия закона соответствия производительных отношений характеру производительных сил не только в конкретных условиях рабовладельческой Греции. Иначе можно прийти к сомнительному утверждению, что рабство, крепостничество и другие формы эксплуатации, присущие докапиталистическим формациям, не были обусловлены соответствующей ступенью развития производительных сил⁸. Конечно, классическое рабство было вызвано определенным уровнем производительных сил, но это не значит, что в Греции X—V вв. до н. э. феодализм был невозможен по той лишь причине, что орудия труда как основной элемент производительных сил были здесь примитивнее, нежели у германцев или славян в I—X вв. н. э., когда у тех складывались феодальные формы эксплуатации. Причины заключались во всем комплексе исторических условий, в силу которых на основе одних и тех же (или почти одних и тех же) орудий труда процесс производства у каждого из этих народов развивался по-разному. Общеизвестно, сколь сильно отличались исторические условия, при которых сформировалось рабство как господствующий способ производства у древних греков, от условий, при которых древние германцы или славяне перешли к феодальным отношениям, так и не развив имевшийся в форме уклада институт рабовладения в основу формации, подобной античной. В отношении античной Греции надо также принять во внимание заимствование греками у древнеазиатских народов многих материальных достижений, интенсивные сношения между греками и этими народами, довольно быстрый рост населения в наиболее развитых районах Греции и возникший на этой почве весьма специфический процесс колонизации (VIII—VI вв. до н. э.), способствовавший разделению труда между греческими полисами. Все это ускоряло социально-экономическое развитие греков, содействовало формированию у них государства. Длительное сохранение родового строя (или в лучшем случае примитивных государственных форм) у окружавших греческий мир варваров облегчало насильственное присвоение их как рабочей силы. В свою очередь, использование дешевой рабской силы, вызванное потребностями расширяющегося производства, ускоряло материальное развитие Греции⁹. В этих условиях быстро росли города с концентри-

⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 164—165.

⁸ См., например, Л. С. Васильев и И. А. Стучевский. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ («Вопросы истории», 1966, № 5, стр. 89—90).

⁹ Ф. Энгельс не случайно писал, что «при исторических предпосылках древнего, в частности греческого, мира переход к основанному на классовых противоположностях обществу мог совершиться только в форме рабства» (К. Маркс и

рующимися в них ремеслами, торговлей и т. д. Наконец, нужно учесть и такое обстоятельство, сыгравшее важную роль в определении рабовладельческого пути развития Греции, как условия генезиса государства. Последнее могло стать бранием в руках или родовой аристократии, или оппозиционных ей слоев, что в значительной мере определяло форму эксплуатации, становившуюся необходимым, ведущим элементом нарождающейся классовой общественной системы. При установлении господства родовой аристократии это была бы эксплуатация местного населения; при господстве демоса это была бы эксплуатация привозной рабочей силы. В Греции, как и во всем античном мире, победил второй путь. В условиях развивающегося товарного производства росла и политическая активность демоса — крестьян, ремесленников и торговцев, — усиливалось сплочение в борьбе с родовой аристократией. В результате успешной борьбы против эксплуатации сограждан-греков не только был положен конец этой эксплуатации, но и сложился полис — коллектив таких сограждан. Дальнейшая эволюция шла уже на основе эксплуатации жителей отсталых стран, насильно отрываемых от собственных средств производства¹⁰. «Классическое» развитие рабовладельческих отношений у древних греков было средством, компенсировавшим неразвитость техники. Рабовладение стало основой расцвета Древней Греции, но оборотной стороной его явились стагнация и упадок греческого рабовладельческого общества¹¹. Однако вопрос о причинах разложения этого общества не является предметом нашей статьи.

Очень кратко рассмотрим генезис и формирование рабства в античной Италии. Вплоть до III в. до н. э. в италийском обществе рабство составляло лишь один из социально-экономических укладов¹². Производство здесь основывалось на труде свободных мелких крестьян и ремесленников, хотя уровень производительных сил был достаточно высоким, соответствуя греческому уровню периода до VI—V вв. до н. э. Особенностью рабства в Италии по сравнению с Грецией было то, что в первом случае оно развивалось не столько за счет постепенного расширения собственного производства и накопления богатств внутри общества с последующей эксплуатацией только населения варварских стран. Складывание рабовладельческих отношений — при наличии других благоприятных явлений — было ускорено завоеванием Римом районов древней цивилизации (Карфагена, Сирии, Малой Азии, Греции, Македонии и т. д.), а также народов, находившихся на уровне варварства. Отсюда в Италию притекло огромное по тогдашним масштабам богатство (не менее 100 тыс. талантов¹³) и миллионы подневольных рабочих рук, что и способствовало перевороту в развитии ее производительных сил. Часть награбленных в других странах средств была вложена в экономику Италии, особенно в сельское хозяйство. Воз-

Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 186). В «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс показал два пути возникновения господства и порабощения. Первый путь — это выделение родовой аристократии как исполнителя общих функций. Второй путь имел своей основой развитие производства у непосредственных производителей, часть которых превратилась в рабовладельцев. В античном мире имели место оба процесса. В других случаях сначала получил развитие первый путь, а затем — развитие эксплуатации внутри общества (см. там же, стр. 183—186).

¹⁰ На китайском материале эту мысль проводит М. В. Крюков. См. «Социальная дифференциация в древнем Китае» («Разложение родового строя и формирование классового общества». Сборник статей. М. 1968); см. также Е. М. Штаерман. Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии («Проблемы истории докапиталистических обществ», Кн. I. М. 1968).

¹¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 119; см. также Г. В. Коранашивили. О причине падения античного мира. «Мадне», 1967, № 1 (на груз. яз.).

¹² Подробно об этом см.: Л. А. Ельницкий. Возникновение и развитие рабства в Риме VIII—III вв. до н. э. М. 1964. Здесь же говорится и о других формах зависимости.

¹³ Аттический талант равен приблизительно 26 кг серебра.

ники специализированные его отрасли: виноградарство, оливководство, садоводство, скотоводство. Мелкоремесленное производство сменилось крупным, развились горнорудное, строительное дело, приобрели широкие масштабы торговые сношения как внутри страны, так и с другими странами. Быстро росли города. Но рабство прогрессировало приблизительно до II в. н. э. Рабовладельческая формация здесь, как и в Греции, имела свою логику развития: прогрессивная роль рабовладения имела известные границы¹⁴, за пределами которых наступила стадия стагнации и постепенного исчезновения рабовладельческих отношений, что привело к упадку цивилизованного античного общества.

Итак, проследив процесс возникновения и формирования рабовладельческого способа производства в античной Греции и Италии, можно констатировать, что этот социальный институт развился при наличии целого ряда специфических благоприятных условий¹⁵, а его расцвет был определен значительным ростом уровня производительных сил античного общества. Осмысление этого поможет нам в понимании причины того, почему рабство не стало основой соответствующего способа производства на Древнем Востоке. Перейдем к рассмотрению этого вопроса.

Древневосточные народы вступили на путь формирования классового общества и государства в эпоху энеолита. Однако в условиях разложения первобытного строя на Древнем Востоке медные орудия труда не получили заметного распространения. В странах речных цивилизаций, составлявших передовую часть древневосточных государств, не было месторождений медных руд. Привозная медь была дорога, да и по своей эффективности медные орудия едва ли могли превосходить орудия неолитические. По этим причинам последние были широко распространены на Востоке даже в эпоху бронзы. Несмотря на примитивность орудий труда, в древневосточных странах возникло классовое общество, сложилось государство, развитая культура и искусство. Прогрессивное развитие производства шло во многом за счет использования производительной силы больших рек. Естественным образом наводняя и удобряя прибрежную полосу, давая возможность искусственного орошения, реки поднимали производительность общественного труда древних египтян, шумерийцев и других народов, населявших долины Нила, Тигра и Евфрата, Инда. Вот почему на заре цивилизации первые очаги государственности и культуры могли существовать только на ограниченных территориях вдоль больших рек жаркого пояса. За пределами этих территорий широкое развитие земледелия было невозможным, следовательно, и распространение там цивилизации. Только позднее в результате постепенного развития орудий труда, агротехники, применения в земледелии животных в качестве тягловой силы и т. п. очаги цивилизации стали возникать и в других районах Азии.

У древних египтян и шумерийцев первобытный строй разложился уже в IV тыс. до н. э., у ряда других древневосточных народов — в

¹⁴ Об этом см.: Е. М. Штаерман. Проблема падения рабовладельческого строя. «ВДИ», 1953, № 2; ее же. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М. 1957; ее же. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М. 1964; А. Р. Корсунский. Проблема революционного перехода от рабовладельческого строя к феодализму в Западной Европе. «Вопросы истории», 1964, № 5; В. И. Кузищин. Очерки по истории земледелия Италии II в. до н. э. М. 1966.

¹⁵ Связывать возникновение рабства только с распространением железных орудий труда, как это делает в указанной выше статье «Проблемы социально-экономического строя Древнего Востока» Ю. И. Семенов, неправомочно. В условиях распространения железных орудий у германцев, славян, а также у ряда азиатских народов развилось отнюдь не классическое рабство. Хотя железо было важным условием формирования рабства в античном мире, тем не менее для понимания этого явления надо иметь в виду весь комплекс условий, о которых мы говорили выше.

III и II тыс. до н. э. Отныне коллективный труд оставался необходимым только при орошении и защите от наводнений. Здесь, в странах речных цивилизаций, не сложились города-государства, которые мы могли бы идентифицировать с полисами античного типа, являвшимися объединением свободных граждан. Натуральное хозяйство, низкий уровень производительных сил, сочетание сельского хозяйства с домашними ремеслами, незначительность обмена между общинами, жившими в одинаковых условиях производства, обуславливали автарктичность общинного хозяйства. Зато потребности ведения ирригационного хозяйства способствовали объединению общин, возникновению государства на большой территории. Таким образом, у древневосточных народов объединяющий импульс возник уже с начала их земледельческой жизни. Осушение болот, регулирование разливов больших рек, устройство ирригационных систем — без чего земледелие было невозможно. Все это оказалось не под силу маленьким общинам, вынуждало их объединяться.

Естественно, что основной функцией государственных объединений, возглавляемых деспотами, долго оставалось руководство совместными работами общин, связанными с сохранением и развитием ирригационной системы. Естественно и то, что государственная власть, ограниченная этими жизненно необходимыми функциями, но не опирающаяся на достаточно развитой социально-экономический базис, не могла не приобрести специфических форм и черт деспотии, насильственно связующей экономически разобщенные социальные организмы. В самом деле, древневосточные общины были вполне независимы друг от друга во всем, что выходило за пределы их совместных задач. Они не нуждались в развитом обмене продуктами между собой: в жарких климатических условиях их потребности были ограничены; кроме того, для развития общественного разделения труда у них не было естественной основы¹⁶. Поэтому обмен между общинами не мог приобрести систематического характера и способствовать разложению их натурального хозяйства, основанного на соединении сельского производства с домашними ремеслами. Кроме того, развитию товарного хозяйства внутри общин мешало присвоение их прибавочного продукта верхними слоями общества, сращенными с государственным аппаратом. Целая армия аристократов, военачальников, жрецов, писцов, воинов и т. д., существовавших главным образом за счет прибавочного труда крестьян-общинников, поглощала всю массу избыточного продукта. Это ограничивало возможность накопления избытка у земледельца, препятствовало созданию рынка и выделению ремесла из сельского хозяйства.

Городов как центров ремесленной и торговой деятельности на Древнем Востоке было мало. Часть их возникла на международных торговых путях, в основном же города были резиденциями деспотов, жрецов, чиновничества, армии. Потребности высших слоев в предметах роскоши удовлетворялись трудом ремесленников разных специальностей, живших также за счет части прибавочного продукта, взимаемого в пользу высших слоев¹⁷. Но существование таких городов, наличие в

¹⁶ К. Маркс писал: «Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнообразие ее естественных продуктов составляют естественную основу общественного разделения труда; благодаря смене тех естественных условий, в которых приходится жить человеку, происходит умножение его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 522).

¹⁷ Развитие таких ремесел достигало очень высокого уровня. Но «из всех товаров собственно предметы роскоши имеют наименьшее значение при технологическом сравнении различных эпох производства» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 191). См. об этом также: А. Лукас. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. М. 1958.

них ремесленников, высвобожденных из сельскохозяйственного труда, при ограниченности внешней торговли, монополизированной государством, почти ничего не меняло в общем экономическом, социальном и культурном состоянии древневосточных обществ, не знавших сколько-нибудь заметного общественного разделения труда. Достаточно было перемещения торговых путей, политических неурядиц, нашествий чужеземных народов, перенесения резиденций деспотов на новые места — и города приходили в упадок.

Эти и многие другие особенности древневосточных обществ тесно связаны с азиатской формой собственности, отличной от античной¹⁸. Крестьянин-общинник чаще всего выступал лишь как наследственный землепользователь. Собственником земли была община, сохранение которой вызывалось необходимостью кооперации при искусственном орошении и которая характеризовалась прежде всего этим дуализмом: совместной собственностью на землю, с одной стороны, и парцеллярной обработкой земли и частным присвоением продуктов труда — с другой¹⁹. Но если в античном мире это противоречие было ликвидировано за несколько столетий, в результате чего там утвердилась частная собственность на землю, то у древневосточных народов преобладающая роль общинной собственности на землю не была устранена. Причиной такого явления было отличие исторических и географических условий существования этих народов, и в первую очередь то, что у античных народов при наличии железных орудий, общественного разделения труда, отсутствия необходимости кооперации, подобной восточной, оказалось возможным разложение общин, вследствие чего земля превратилась в товар и стала объектом купли-продажи, то есть частной собственностью в полном смысле слова. Причиной того, что на Древнем Востоке превращение земли в частную собственность не получило широкого распространения²⁰, заключалась в господстве натурального хозяйства, отсутствии такого фактора, как целиком самостоятельное ведение земледелия семьей. Основу производства в этих странах составляли общинники-крестьяне; здесь сформировалось «поголовное рабство»²¹, и общинники сами стали основным объектом эксплуатации и насилия. Сказанное помогает уяснить сущность древневосточного общества, и прежде всего то обстоятельство, почему на Древнем Востоке рабство играло столь незначительную роль. При низком уровне производительных сил, наличии натурального хозяйства²² на Древнем Востоке установление рабовладельческого способа производства было невозможно, поскольку отсутствовали такие важнейшие предпосылки, как превращение значительной части земель в товар, отрыв большинства непосред-

¹⁸ К. Маркс резко противопоставлял их друг другу. См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 46, ч. I, стр. 462—467.

¹⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 404, 414, 418.

²⁰ Часть советских историков, особенно И. М. Дьяконов, доказывает наличие на Востоке частной собственности на землю, что, согласно К. Марксу, предполагает куплю-продажу земли, то есть столь высокий уровень товарного хозяйства, когда и сама земля становится товаром. Но этого не знало даже западноевропейское феодальное общество (см. об этом: А. Я. Гуревич. Проблема земельной собственности в дофеодальных и раннефеодальных обществах. «Вопросы истории», 1968, № 4). В условиях натурального хозяйства, свойственного обществам Древнего Востока, купля-продажа земли, частная собственность на землю могли иметь лишь незначительное распространение.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 46, ч. I, стр. 485.

²² Это не вызывает сомнения даже у сторонников концепции рабовладельческого характера древневосточного общества. См. В. И. Авдиев. История древнего Востока, стр. 73, 86, 635, 656; Н. Б. Янковская. Некоторые вопросы экономики ассирийской державы. «ВДИ», 1956, № 1; И. М. Дьяконов. Основные черты экономики в монархиях древней Западной Азии. «НАА», 1966, № 1; его же. Проблемы собственности. О структуре обществ Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э.; его же. Проблемы экономики. О структуре обществ Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э.

ственных производителей от земли как главного средства производства. Именно последнее явление должно было стать основой распространения рабства за счет привозных рабов, как это подчеркивал К. Маркс, «так как отдельный человек при этой (азиатской.— Г. К.) форме собственности никогда не становится собственником, а является только владельцем... рабство не подрывает здесь условий труда и не видоизменяет существование отношения»²³.

Какова была классовая структура древневосточного общества? Никто из участников дискуссии не отрицает того факта, что в Древнем Египте, Шумере, Индии и других древнеазиатских странах, по крайней мере в раннюю эпоху их цивилизованного существования, абсолютно преобладавшей формой землевладения и землепользования были мелкие наделы общинников. Возможность эксплуатации труда рабов на таких участках была исключена. В других отраслях производства вследствие весьма ограниченного их развития труд рабов также не мог сколько-нибудь широко применяться. Более того, хотя в плодородных долинах больших рек древний египтянин, шумериец, китаец и т. д. даже в условиях применения неолитических орудий труда мог создавать кое-какие излишки сверх необходимого для потребления его самого и членов его семьи, эти излишки не могли служить накоплению у него богатств. В отличие от античных народов на Древнем Востоке, как мы уже отмечали, эти излишки изымались государством в пользу слоев, свободных от производственного труда, но выполнявших определенные общественные функции. Вследствие такого ограниченного развития существовавшее как уклад рабство в древневосточных странах не вызвало быстрого расслоения населения на имущих рабовладельцев и люмпен-пролетариев (свободных производителей, вытесненных из производства рабами), не создало резкой противоположности свободного общества и массы рабов. Ни усиление военного аппарата, ни успешные войны (в особенности в период возвышения этих стран), ни долговое рабство²⁴ не смогли подорвать эти общества, основанные на самостоятельном труде общинников. Военнопленных здесь не превращали в рабов античного типа, а ставили в условия, аналогичные условиям жизни самих непосредственных производителей древневосточных стран²⁵. Производство в древневосточных обществах, будучи основанным на соединении сельского хозяйства с домашними ремеслами, не нуждалось в массе новой рабочей силы, доставляемой извне. Общины, деспот и высшие слои вполне обходились трудом самих египетских, шумерийских, китайских и прочих крестьян-общинников.

Проследив эволюцию античных и древневосточных обществ, отметив причины развития классического рабства в одних из этих стран и отсутствия его в других странах, кратко остановимся на значении этого явления в жизни соответствующих обществ. Достигнув своей классической формы, рабство в античном мире стало необходимым интегрирующим элементом общественной системы. На это указывал Ф. Энгельс: «Только рабство сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры древнего мира —

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 46, ч. I, стр. 482.

²⁴ Законы Вавилонии, Индии, Египта, Израиля ограничивали порабощение соплеменников несколькими годами.

²⁵ См. К. К. Зельин. Хетты и хеттская культура. «Исторический журнал», 1937, № 3—4, стр. 195—196; И. М. Дьяконов. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л. 1949, стр. 86—90, 106—107, 116—118, 127; его же. К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту. «ВДИ», 1962, № 1; И. М. Лурье. Рабы — держатели храмовой земли. «ВДИ», 1955, № 1; И. А. Стучевский. О специфических формах рабства в древнем Египте. «ВДИ», 1960, № 1; см. также Ю. И. Семенов. Проблема социально-экономического строя Древнего Востока. «НАА», 1965, № 4, стр. 81—84.

для греческой культуры. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и греческой науки»²⁶. Развитие государства, права, морали, искусств, наук, философии, языка, классовой борьбы и многих других сторон социальной жизни греческого и римского обществ невозможно представить без классического рабства. Простое сравнение с ними надстройки и других элементов общественной системы на Древнем Востоке показывает иной их характер, присущий иной формации. Для их функционирования как важных элементов целостной общественной системы рабство не было необходимым элементом: таким был труд крестьян-общинников.

Суммируя все сказанное выше, мы приходим к выводу, что превращение рабства в основной способ производства, значительная степень вытеснения им труда мелких крестьян и ремесленников стали возможными в античном мире при наличии ряда благоприятных условий. Классическое развитие рабовладельческих отношений соответствовало высокому уровню развития производительных сил. Античное рабовладельческое общество было логически высшей ступенью по отношению к древнеазиатским обществам. Рабство, писал Ф. Энгельс, «скоро сделалось господствующей формой производства у всех народов, которые в своем развитии пошли дальше древней общины»²⁷. Но на Древнем Востоке неблагоприятная историческая и географическая среда ограничивала возможности роста производительных сил, а тем самым препятствовала превращению рабства из уклада в способ производства.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 185.

²⁷ Там же; см. также т. 23, стр. 346.